

И В А Н
Е Л А Г И Н

Ж

У Р

Г А Н

ИВАН ЕЛАГИН

КУРГАН

ПОСЕВ

Обложка Вадима Филимонова

ISBN 3-7912-2016-0

© Possev-Verlag
V. Gorachek KG, 1987
Printed in Germany

В тот темный год отца из дома увели.
Под рев ветров заупокойных,
Казалось, треть страны в тот год ушло с земли
В сопровождении конвойных.

Год пыток, год смертей, год сталинских расправ,
Процессов, массовых расстрелов,
Вожди беснуются, стране хребет сломав,
И бед на сотни лет наделав!

Год ссылок и разлук, арестов и тревог,
Год всероссийского погрома!
Я вспоминаю блеск начальственных сапог
И грозный окрик управдома.

Он всюду, как шакал, вынюхивал беду
И, будучи дельцом прожженным,
Кому-то сразу он, как водится за мзду,
Сбыл нашу комнату с балконом.

А я, заткнув в полу крысиную дыру,
Мой стул, мой стол, одежду, койку
Легко перетащил в пустую конуру,
Где видишь из окна помойку.

Однажды вечером я в свой чулан иду
(Я где-то ночевал у друга).
Сосед мой, торопясь, кивнул мне на ходу,
Глаза скосивши от испуга.

А позже я узнал, что в эту ночь за мной
Какие-то явились трое.
Еще наслушаюсь я брани площадной
Осатанелого конвоя.

А в институте все я рассказал друзьям,
Я навсегда прощался с ними,
Я думал, что меня сошлют в Сибирь, а там
Сгноят в каком-нибудь Нарыме.

И вечером один сидел я в тишине.
Окна темнела крестовина.
Ждал, что придут за мной, но с шумом вдруг ко мне
Ввалились Жорж, Борис и Нина.

У каждого из них какой-то тюк в руке.
— Бери-ка теплые вещицы!
— Достали кое-что! Не дело налегке
Тебе по холоду тащиться!

Но брать мне не пришлось тех сказочных даров.
Причиной опасений ложных
Была, как раз в ту ночь, проверка паспортов
У элементов ненадежных.

Страна, где прошлого тепла еще зола,
Страна, где волны страха катят,
Там хватит, может быть, на сто столетий зла,
Но и добра на сто столетий хватит.

Россия — крошечная тьма...
Куда они близких дели?
Они входят в наши дома,
Они щупают наши постели.

Разве мы забыли за год,
Как звонки полночные били,
Останавливались у ворот
Черные автомобили.

И замученных, и сирот —
Неужели мы всё забыли?

ЗВЕЗДЫ

Моему отцу

Колыхались звездные кочевья.
Мы не засыпали у костра.
Шумные тяжелые деревья
Говорили с нами до утра.
Мне в ту ночь поэт седой и нищий
Небо распахнул над головой,
Точно сразу кто-то выбил днище
Топором из бочки вековой!
И в дыру обваливался космос,
Грузно опускался млечный мост,
Насмерть перепуганные сосны
Заблудились в сутолоке звезд.

— Вот они! Запомни их навеки!
То Господь бросает якоря!
Слушай, как рыдающие реки
Падают в зеленые моря!
Чтоб земные горести, как выпи,
Не кричали над твоей душой,
Эту вечность льющуюся выпей
Из ковша Медведицы Большой!
Как бы ты ни маялся и где бы
Ни был — ты у Бога на пиру...
Ангелы завидовали с неба
Нашему косматому костру.

За окном — круги фонарной ряби.
Браунинг направленный у лба.
На каком-то чертовом ухабе
Своротила в сторону судьба.
Рукописи, брошенные на пол.
Каждый листик — сердца черепок.
Письмена тибетские заляпал
Часового каменный сапог.
Как попало комнату забили,
Вышли. Ночь была уже седа.
В старом грузовом автомобиле
Увезли куда-то навсегда.

Ждем еще, но все нервнее курим,
Реже спим, и радуемся злей.
Это город тополей и тюрем,
Это город слез и тополей.
Ночь. За папиросой папироса,
Пепельница дыбится, как еж.
Может быть, с последнего допроса
Под стеной последнею встаешь?
Или спишь, а поезд топчет версты
И тебя уносит в темноту...
Помнишь звезды? Мне уже и к звездам
Голову поднять не вмоготу.

Хлынь, война! Швырни под зубья танку,
Жерла орудийные таращь!
Истаскало время наизнанку
Вечности принадлежащий плащ!
Этот поезд, крадущийся вором,
Эти подползающие пни...
Он скулил, как пес, под семафором,
Он боялся зажигать огни.

Чашами и насыпями заперт,
Выбелен панической луной,
Он тянулся медленно на запад,
Как к постели тянется больной.

В небе смерть. И след ее запутан.
И хлеща по небу на ура,
Взвили за шпигрутенем шпигрутен
С четырех сторон прожектора!
Но укрывшись тучею косматой,
Смерть уже свистит над головой.
Смерть уже от лопасти крылатой
Падает на землю по кривой.
...Полночь, навалившаяся с тыла,
Не застала в небе и следа.
Впереди величественно стыла
К рельсам примерзавшая звезда.

Мы живем, зажатые стенами
В черные берлинские дворы.
Вечерами дьяволы над нами
Выбивают пыльные ковры.
Чей-то вздох из глубины подвала:
— Господи, услышим ли отбой?
Как тогда мне их недоставало,
Этих звезд, завещанных тобой!

Сколько раз я звал тебя на помощь, —
Подойди, согрей своим плечом.
Может быть, меня уже не помнишь?
Мертвые не помнят ни о чем.

Ну, а звезды. Наши звезды помнишь?
Нас от звезд загнали в погреб.
Нас судьба ударила наотмашь,
Нас с тобою сбила с ног судьба!
Наше небо стало небом черным,
Наше небо разорвал снаряд.
Наши звезды выдернуты с корнем,
Наши звезды больше не горят.
В наше небо били из орудий,
Наше небо гаснет, покорясь,
В наше небо выплеснули люди
Мира металлическую грязь!

Нас со всех сторон обдало дымом,
Дымом погибающих планет.
И глаза мы к небу не подыдем,
Потому, что знаем: неба нет.

ИСТОРИЯ СТИХОТВОРЦА

С веком рассорясь,
Жил стихотворец.

Он напевал —
А его наповал.

Он теперь, как прочие,
Ждет, занявши очередь:

Из могилы выруют,
Реабилитируют.

Мы далеки от трагичности:
Самая страшная бойня
Названа культом личности —
Скромно. Благопристойно.

Блекнут газетные вырезки.
Мертвые спят непробудно.
Только на сцене шекспировской
Кровь отмывается трудно.

Я сегодня прочитал за завтраком:
"Все права сохранены за автором".

Я в отместку тоже буду щедрым —
Все права сохранены за ветром,

За звездой, за Ноевым ковчегом,
За дождем, за прошлогодним снегом.

Автор с общественным весом,
Что за права ты отстаивал?
Право на пулю Дантеса
Или веревку Цветаевой?

Право на общую яму
Было дано Мандельштаму.

Право быть чистым и смелым,
Не отступаться от слов.
Право стоять под расстрелом,
Как Николай Гумилев.

Авторов только хватило б.
Ну, а право — как песок.
Право на пулю в затылок,
Право на пулю в висок.

Сколько тончайших оттенков!
Выбор отменный вполне:
Право на яму, на стенку,
Право на крюк на стене,

На приговор трибунала,
На эшафот, на тюрьму,
Право глядеть из подвала
Через решетки во тьму,

Право под стражей томиться,
Право испить клевету,
Право в особой больнице
Мучиться с кляпом во рту!

Вот они — все до единого,
Авторы, наши права:
Право на пулю Мартынова,
На семичастных слова,

Право, как Блок, задохнуться,
Как Пастернак, умереть.
Эти права нам даются
И сохраняются впредь.

... Все права сохранены за автором.
Будьте трижды прокляты слова!
Вот он с подбородком к небу задранным
По-есенински осуществил права!

Вот он, современниками съеденный,
У дивана расстелил газетины,
Револьвер рывком последним сгреб —
И пускает лежа пулю в лоб.

Вот он, удостоенный за книжку
Звания народного врага,
Валится под лагерною вышкой
Доходягой на снега.

Господи, пошли нам долю лучшую,
Только я прошу тебя сперва —
Не забудь отнять у нас при случае
Авторские страшные права.

Как им заплатит воля равновесья?

Гумилев

А называют землю Колыма.
(Над общей ямой ледяная тьма.)

А есть еще другая — Воркута.
(Не сыщешь ни могилы, ни креста.)

Под снегом примиряющим России
Впалку спят чужие и родные.

А где-то в дальних США, за океаном,
Есть кладбище с названием престранным.

Есть кладбище. Животные на нем
В могилах почивают вечным сном.

Вот памятник, заботливой рукою
Воздвигнутый над свинкою морскою.

А вот мемориальная плита
Над прахом незабвенного кота.

А рядом что-то наподобье раки
С останками возлюбленной собаки.

И вот теперь раздумываю здесь я
О гумилевской воле равновесья.

А на уплату равновесья хватит?
Или оно, смеясь над нами, платит

За ужас общей ямы с братской давкой
Плитою намогильною над шавкой?

Россия под зубовный скрежет
Еще проходит обработку –
Опять кому-то глотку режут,
Кому-то затыкают глотку.

История не бьет баклуши,
В ней продолжают громоздиться
Перелицованные души
И передушенные лица.

Худощавым подростком
Я остался стоять у киоска,
И стою до сих пор очарованный
Со стаканом воды газированной.

Человек под каштаном
С друзьями простился вчера.
На рассвете туманном
Уводили его со двора.

Уходил он с кошелкой,
Набитой нехитрым добром.
За ворота ушел как,
Так и сгинул в тумане сыром.

В шелестеньи ветвей зашифровано,
Сколько за ночь друзей арестовано.

Та звезда, что оторванно на небе
Где-то горит там,
Может рухнуть на землю когда-нибудь
Метеоритом.

И звезда эта будет
Готовиться к праздничной встрече.
Мы не звезды. Мы люди.
Себя обнадеживать нечем.

Я и тот человек,
Что ушел на рассвете туманном,
Разлучились навек.
На земле не сойтись никогда нам.

Где-то в ямине трюма
Я на койке лежал подвесной,
И я слушал, как с шумом
Ударяет волна за волной.
В шебуршении пенном,
В мелькании черных зеркал
Плыл и плыл я на судне военном,
И я тоже навеки пропал.

Но в бушующих блестях
Всплывает из пены взволнованной
Паренек у киоска
Со стаканом воды газированной.

И пока океаны
Миражи свои не растратили,
Человек все стоит у каштана,
А вокруг человека приятели.

И над ним распростерта
Та ветка — шумит, как шумела.
Воскрешение мертвых
Наше общее с деревом дело.

Возьмите любую кровавую драму,
Возьмите и вставьте в дубовую раму.

Народ в лагеря загоняли к якутам,
А рама теперь называется культом.

Когда-нибудь страшные русские были
Представят в музеях, как школы и стили.

Расплещут великую кровь по картинам,
А критики звать ее будут кармином.

— Вот тут пирамиды с египетской тьмою,
А рядом есть зал с Воркутой, с Колымою.

Мне пушкинский стих показался постылым:
Не все, что проходит, становится милым.

*И равнодушная природа
Красою вечною сиять.*

Пушкин

В тот год с товарных станций эшелоны
На север шли почти что каждый день.
Набиты заключенными вагоны,
И на снегу штыка чернеет тень.

И песнею отпугивая стужу,
Там, ночью, где-то посреди лесов,
Охранники горланили "Катюшу",
На поводке придерживая псов.

И про Катюшу, девушку простую,
Поет студентка сорок лет спустя,
И я студентку слушаю, тоскуя,
И я студентку слушаю, грустя.

Мне с мертвыми мерещится подвода,
Скрипящая под звуки песни той.

Все это для студентки — вздор пустой.
Она — как равнодушная природа,
Сияющая вечной красотой.

ПРОТОКОЛ ОБЫСКА И АРЕСТА

Клок бумаги. Протокол.
Расписались понятые.
Дождь таких бумаг прошел
В эти годы по России.

На рассвете проводы.
Увезли куда-то.
(У такого-то, такого-то
То-то и то-то изъято.)

Увезли куда-то.
Где он — не узнаем.
Детство мое изъято,
Смех за вечерним чаем,
Милая теплота
Доброй руки отцовой.

Ляжет бумага та
В память плитой свинцовой.

Переписка ворохом
Свалена — изъята.
Изъято все, что дорого,
Изъято все, что свято.

В протоколе пункт один,
Как железный стержень —
Что задержан гражданин,
Гражданин задержан.

Гражданина уводил
В кители детина,
И задержан бег светил
Был для гражданина.

Только сел в машину он —
Двинулась машина,
И задержан ход времен
Был для гражданина.

И пропал он, как в дыму,
На заре в июле,
И дыхание ему
Задержали пульей.

Брось на клочок бумаги взгляд,
Только зубы стисни:
Прочитай, как был изъят
Гражданин из жизни.

СЕМЕЙНЫЙ АРХИВ

Мне из Москвы писали
(Участвовать пригласив),
О том, что хранится в ЦГАЛИ
Наш семейный архив.

Задуматься есть причина,
Что там ни говори.
Воображаю, как чинно
Выглядит все внутри.

За стеклами в морозилке
Хранится родитель мой,
Положен с пулей в затылке.
Дата: тридцать восьмой.

А рядом с отцом на полке
Заполнены все места —
Сплетни и кривотолки,
Доносы и клевета.

В отделе того же года
Хранится газетный крик.
Вырезка — "Враг народа"
Болтается как ярлык.

Тут же и комнатенка
С полуслепым окном,
Куда меня, как котенка,
Вышвырнул управдом.

Наверно, среди архива
Им тоже место нашлось,
Знакомым, что торопливо
При встрече глядели вкось.

Тут даже оскал разъяренный
Пса, угрожавшего мне,
Которого вдоль перрона
Охранник вел на ремне,

Когда в товарных вагонах,
Растянутых на версту,
Гуртом везли заключенных
Куда-нибудь на Воркуту.

И думали вы, что сунусь
С воспоминаньями я
В архив, где хранится юность
Растоптанная моя?

Мой век! От стука
Ночного в дверь
Пошла наука
Больших потерь.

Мой век ущербный,
Мой век-недуг
Листал учебник
Колымских выюг.

Мой век! Ты — школьник,
И твой диплом
Добыл ты в штольнях
Тупым кайлом.

Мой век! Экзамен
В полярный вуз
Ты сдал слезами
Российских муз.

В краю студеных
Глыбастых льдов —
Плоды ученых
Твоих трудов.

Почетный доктор
Бушлатных прав,
Мой век, продрог ты,
В метель попал.

С таежных елок
Не сходит снег.
Постыдно долог
У века век.

ТОВАРНАЯ СТАНЦИЯ

... В поле на рассвете —
Женщины и дети.

А вагоны на перроне —
Это мир потусторонний

И в окне вагона —
Голова — икона.

Не лицо уже, а лик.
Смотрит отрешенно
Бритый, высохший старик
Из окна вагона.

Вот и он пропал во тьме.
Выживет едва ли —
Где-нибудь на Колыме,
На лесоповале...

Тяжко дышит на ремне
Пес у конвоира.
Кто-то что-то крикнул мне
Из другого мира.

И я вижу: на снегу
В стороне записка.
Взять ее я не могу —
Конвоиры близко.

Не пройдешь туда никак,
Охраняют рьяно.
Спустит на тебя собак
Сразу же охрана.

Верно, с адресом листок
Извещает сжато,
Что такой-то дали срок,
Что везут куда-то.

Но записку ветер сгреб
И понес, загикав...
А затоптано в сугроб
Сколько этих криков?

Но бывает — повезет
Крошечным запискам —
Подбирает их народ
И относит близким.

Это — год тридцать восьмой,
Памятный угарной,
Зимнею рассветной тьмой
Станции товарной.

Дым по ветру распластав,
Как дракон несытый,
Подползал, шипя, состав,
Ссылными набитый.

Точно не было конца
Траурному дыму.

Между ссыльными — отца
Я искал в ту зиму.

Год прошел, как поутру,
После ночи долгой,
Он по нашему двору
Уходил с кошелкой.

И с ружьем наперевес
Шел за ним военный,
И отец навек исчез
Где-то во вселенной.

Ни могилы, ни креста,
Ни плиты надгробной,
Только гиблые места,
Только ветер злобный.

Только в памяти моей,
Где-то за грядую
Низвергающихся дней —
Он еще со мною.

На рассвете, на Днепре
С ним мы рыбу ловим,
И картошку на костре
В котелке готовим.

А потом, перед костром,
Он со мной присядет —
И расскажет мне о том,
Как покойный прадед

В сети тигра брал живьем
В зарослях Уссури.
И смеется... сколько в нем
Еще детской дури!

А домой придем мы с ним, —
За вечерним чаем
О стихах мы говорим,
В шахматы играем...

Все кружится шар земной
И скрипит громоздко —
Но отец всегда со мной
В полушарьях мозга.

Чуден памяти тайник,
Только странно все же:
Я, отец, уже старик, —
Ты меня моложе...

Жизнь по капле пью... и все ж
Видно дно в сосуде,
Только там, где ты живешь,
Не стареют люди.

Для чего мы бережем
Фото-негативы?
С нами памяти альбом,
В нем родные живы.

ПЕРЕДАЧА

1

Я стою, как в дыму,
Чуть не плачу.
А принес я в тюрьму
Передачу.

Мы построились в ряд
Под стеною.
Предо мною стоят
И за мною.

Загибаясь идет
Та дорожка
От железных ворот
До окошка.

Не беседуют тут,
Не судачат,
Разве только вздохнут
Иль заплачут.

И стоит за окном
Небожитель.
Гимнастерка на нем
(Или китель).

Он стоит, как гранит, —
Обелиском!
И мизинцем скользит
Он по спискам.

У него, что ни взгляд,
Что ни слово,
Точно гири гремят
Стопудово!

Только даром три дня
Я потрачу.
Не возьмет у меня
Передачу.

Выйду. Лампы во мгле.
У вокзала.
Жил отец на земле —
И не стало.

2

А всего-то было
У меня в мешке:
Бельевое мыло
В шерстяном носке,

Банка мармелада,
Колбасы кусок,
С крепким самосадам
Был еще носок;

Старая ушанка,
Старый свитерок,
Чернослива банка,
Сухарей кулек.

Ветер, ветер, ветер!
Да не тот совсем,
Что звенел на свете
Для иных поэм.

Нет, не он раскатам
Вторил мятежа,
Не на баррикады
Звал, снега кружа.

Этот — бил под ребра
Финки поострей!
Это — ветер допра,
Ветер лагерей,

Ветер Магадана,
Что над тундрой выл,
Ветер безымянных
Скученных могил.

Нынче без уема
У него разгул,
От тюрьмы до дома
Он мне в спину дул.

4

Вижу памяти экран,
И на нем наплывом —
Как меня за океан
Отшвырнуло взрывом.

Я живу в чужом краю,
Но уже годами
Я домой передаю
Свертки со стихами.

А в стихах мое тепло
И души кусочки,
Я надеюсь, что дошло
Хоть четыре строчки.

И быть может потому
Я хоть что-то значу,
Что всю жизнь несу в тюрьму
С воли передачу.

АМНИСТИЯ

Еще жив человек,
Расстрелявший отца моего
Летом в Киеве, в тридцать восьмом.

Вероятно на пенсию вышел.
Живет на покое
И дело привычное бросил.

Ну, а если он умер, —
Наверное жив человек,
Что пред самым расстрелом
Толстой
Проволокою
Закручивал
Руки
Отцу моему
За спиной.

Верно, тоже на пенсию вышел.

А если он умер,
То наверное жив человек,
Что пытал на допросах отца.

Этот, верно, на очень хорошую пенсию вышел.

Может быть, конвоир еще жив,
Что отца выводил на расстрел.

Если б я захотел,
Я на родину мог бы вернуться.

Я слышал,
Что все эти люди
Простили меня.

Надо дальше жить, говорят.
Говорят — вспоминать не надо.
Лучше будь, как другие, рад,
Что достал кило мармелада.

Отдыхающий Пилат
Поедает мармелад.

Наслаждается Пилат:
Он большой начальник,
Посреди его палат
Новый умывальник.

Пусть невинного казнят
Иль ведут на муки:
Осмотрительный Пилат
Умывает руки.

Пусть рабы в цепях стоят,
Строят акведуки —
Обтекаемый Пилат
Умывает руки.

Надо дальше жить, говорят.
Говорят, вспоминать не надо
Озверело-угрюмый взгляд
Конвоира и блеск приклада.

Как ночь эта памятна
Тревожным гудком,
Походкою мамонта,
Лунным клыком.

Мой город испуганный,
Мой каменный друг,
Мой город обугленный
Толпился вокруг...

Он всеми заставами
Шел на вокзал,
Он домом оставленным
На рельсы сползал,

Он гневно ощеривал
В небе столбы,
Он каждое дерево
Рвал на дыбы!

Мне путь загораживал
Каменный вал.
Город мой заживо
Меня отпевал.

Смерть? Погибель? Конец? Неправда!
Кто упал? Обессилел кто?
Знаю я: не сегодня, так завтра,
А не завтра, так через сто,
Через двести лет, через триста –
(В смерти верить не перестаю!)
На земле моей будет чисто,
Бог умоет землю мою.

СОДЕРЖАНИЕ

”В тот темный год отца из дома увели...”	5
”Россия — крошечная тьма...”	7
Звезды	8
История стихотворца	12
”Мы далеки от трагичности...”	13
”Я сегодня прочитал за завтраком...”	14
”А называют землю Колыма...”	17
”Россия под зубовой скрежет...”	18
”Худощавым подростком...”	19
”Возьмите любую кровавую драму...”	21
”В тот год с товарных станций эшелоны...”	22
Протокол обыска и ареста	23
Семейный архив	25
”Мой век...”	27
Товарная станция	28
Передача	32
Амнистия	36
”Надо дальше жить, говорят...”	38
”Как ночь эта памятна...”	39

Выдающийся современный русский поэт Иван Елагин (Иван Венедиктович Матвеев) родился 1 декабря 1918 года во Владивостоке. Его отец – поэт-футурист Венедикт Март (Матвеев), погиб в годы ежовщины. Дед, Н. П. Матвеев („Николай Амурский”), журналист-издатель, известен как автор трудов по истории города Владивостока.

По окончании средней школы в Киеве, городе его юности, будущий поэт и литературовед поступил в Киевский медицинский институт, но учебе было прервано в 1941 году начавшейся войной. Последовали трагические годы немецкой оккупации, беженских странствий, обитания в лагерях „перемещенных лиц” на западной территории разгромленной Германии.

В 1950 году он эмигрирует в США, там работает журналистом, одновременно учится в Колумбийском университете, затем в Нью-Йоркском университете, где в 1969 году получает степень доктора филологии. После того преподает в качестве профессора в колледже Мидлбери, в Нью-Йоркском университете, наконец в университете Питтсбурга.

Первый сборник стихов Ивана Елагина, „По дороге оттуда”, вышел в 1947 году в Мюнхене, близ которого в беженском лагере проживал поэт. Затем последовали, там же, „Ты, мое столетие” (1948), „Портрет мадамзель Таржи” (1949).

Американский период открылся расширенным сборником „По дороге оттуда” (Нью-Йорк, 1953), охватившим все стихи, написанные к тому времени. Далее публикуются „Политические фельетоны в стихах 1952–1959” (Мюнхен, 1959), „Ответы ночные” (Н.-Й., 1963), „Косой полет” (Н.-Й., 1967), „Дракон на крыше” (Роквилл, 1973). Издательство „Посев” в 1976 году выпускает книгу (244 с.) „Под Созвездием Топора. Избранное”. В США выходят еще „В зале Вселенной” (Изд-во „Ардис”, 1982), „Тяжелые звезды” („Эрмитаж”, 1986). Литературоведческие статьи, поэтические переводы с английского.

Сборник „Курган”, – цикл, составленный самим автором, – автобиографичен и политически заострен на трагедии России.